

КА

Стихи это трещина сквозь сердце. Чистое выражение боли. Самые лучшие из них обязательно наполнены грустью, страданием или еще каким-то жалобным переживанием. Печаль это очень целостное состояние. У каждого из нас ее в жизни бывает до фига и до края. И боль, как уникальный предмет творчества, мне неинтересна: я не хочу ею делиться. А настоящие стихи не впускают смех, хотя вмещают в себя столько горя. Это странно, ведь поэзия это просто игра. Но в хорошие стихи играют всегда с серьезным лицом. В рифмы не уложишь веселье, которое прячется на дне любой печали. Там не поместятся осенний лисий хвост и старые скорлупки от цыплят.

Вот лет сто назад, да. Тогда воздух другой был. Серебряный век баловался со словами и рифмами, для них это было приключением. Они не боялись показаться формальными: в их прошлом было не так уж много форм. Их язык был молодой, им позволялось объясняться мантрами. Форма казалась достижением, а не иносказанием для лжи. А я не могу играть в стихи, мне это пахнет некрасовскими портянками и чем-то еще отвратительным, вроде пушкина в школьной столовой.

И еще я заметила, что время в стихах очень долгое, как в дереве или в камне. А мы живем как те элементарные частицы, летя и распадаясь на лету. Наша поэзия это иголки света, запутавшиеся в старой траве. В ней нет непрерывности. Нам нужно умереть для этого дня, чтобы услышать, как ровно дышит маленькая и сонная душа камня, и крестики снов выходят из серой воды. Камень некрасивый и медленный, но он помнит все.

А мы – нет.